

АНТРОПОЛОГИЯ ЦВЕТА

ЭО, 2010 г., № 1

© Л.В. Самарина

ГЕНДЕРНЫЙ ДИМОРФИЗМ В ЦВЕТОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НАРОДОВ КАВКАЗА

Ключевые слова: антропология цвета, народы Кавказа, гендерный диморфизм, цветовая терминология, “цветовая женская субкультура”, пол, возраст, абстрактные термины цвета, неабстрактные термины цвета, производные обозначения цвета

Введение

В 1992 г. в журнале “Этнографическое обозрение” была опубликована статья автора “Традиционная этническая культура и цвет”. В ней впервые в отечественной этнологии обозначены основные на то время направления и проблемы зарубежных исследований в области функционирования цвета как феномена культуры. Были показаны многообразные связи между цветовыми представлениями, способами вербализации цвета и различными аспектами социокультурной жизни разных народов (*Самарина* 1992).

Нынешняя статья основана на личных полевых данных по региону Северного Кавказа, Дагестану и Грузии с 1989 по 1993 г., включает в себя материалы, опубликованные за рубежом (*Samarina* 2007), но мало известные русскоязычному читателю. Она посвящена теме корреляций пола и возраста респондентов с разными способами описания цвета и причинам гендерного диморфизма в них. В данном ракурсе, насколько автору известно, эти вопросы до сих пор не рассматривались. Тема является, по сути, продолжением дискуссии, предложенной в нашем сообщении “Этнический цвет и культурные универсалии. Случай Северного Кавказа” в рамках секции “Антропология цвета: Цвет как феномен культуры” на 7-й Конференции Европейской Ассоциации социальных антропологов (Копенгаген, 2002 г.). Тогда на базе докладов секции с привлечением других авторов было принято решение издать междисциплинарный сборник (*Anthropology of Color* 2007). С одобрения влиятельных в данной области ученых, в основу его названия легло предложенное нами в 2002 г. новое понятие “Антропология цвета”. Судя по рецензиям и откликам, оно благожелательно принято научным сообществом, так что введение в международный научный обиход новой предметной области можно вполне обоснованно рассматривать как приоритет российской и постсоветской этнологической школы.

Поскольку со времени публикации 1992 г. прошел достаточно продолжительный период, имеет смысл предпослать основным сюжетам статьи краткое вступление. Тогда в обзоре зарубежных источников было показано, что история “хроматических” исследований в мировой науке – в культурной антропологии, психологии, лингвистике и на пересечении смежных дисциплин – составляет достаточно длительную непрерывную традицию (*Самарина* 1992). Совершенно иная ситуация сложилась в отечественной науке. Многие десятилетия в российской этнографии, а шире – в культурологии,

---

Людмила Всеволодовна Самарина – этнограф, искусствовед, специалист в области антропологии цвета (Москва); e-mail: ludasol@gmail.com

по умолчанию феномены такого рода, как цвет, не считались серьезной темой и аргументом для академической науки. Парадокс ситуации в том, что любому этнографу или специалисту в смежных областях различия в традициях использования цвета, его знакового и эстетического наполнения очевидны. Ни одна из культур мира от древнейших времен до настоящего времени не была “бесцветной”, и их в основном “монохромное” отражение в отечественных этнографических работах неизбежно обедняет реальность, лишает объект исследования полноты описания.

О том, что цвет вопреки предубеждениям все же “проникал” в мир этнологии, свидетельствуют труды, посвященные одежде, украшениям, промыслам и ремеслам – ковроделию, ткачеству, вышивке, орнаменту – в темах, где обойти вопросы колористики тех или иных артефактов просто невозможно. Информация о цветовых предпочтениях и символике цвета обнаруживается в описаниях семейной и календарной обрядности, верований, культовой практики. По сути, большая часть классических этнографических работ содержит подобную “цветную россыпь” – перечень их огромен, известен в кругу специалистов и не нуждается в данном случае в подтверждении. Общим местом здесь является то, что информация о цвете носит чаще всего фрагментарный, вспомогательный характер, поскольку не включена в системный анализ той или иной темы.

Однако за последние десятилетия ситуация несколько изменилась, появились исследования, где разным проявлениям цвета как сущностной категории той или иной культуры посвящено отдельное внимание. Среди них монография Н.Л. Жуковской по монгольской культуре (Жуковская 1988: 153–169), С.И. Рыжаковой по латышскому орнаменту (Рыжакова 2002: 170–193), А.А. Шевцовой по казахскому орнаменту (Шевцова 2007: 197–205). Объем статьи не позволяет дать обзор других публикаций коллег, заметим только, что интересующие нас аспекты функционирования цвета в культуре на материалах хантов и манси можно найти у З.П. Соколовой, в статьях В.М. Кулемзина и Н.М. Талигиной (Соколова 1976: 73–74; Кулемзин 1983; Талигина 1999: 92–96). По региону нашего исследования это прежде всего отдельный параграф по цветовой гамме народов Северного Кавказа в книге Е.Н. Студенецкой (Студенецкая 1989: 213–226) и глава по комплексному анализу цвета в средневековом костюме народов того же региона в книге-альбоме З.В. Доде (Доде 2001: 95–100).

В целом же ясно, что изучение феномена цвета в культуре не стало пока самостоятельным направлением в российской этнологии. Вместе с тем даже в советский период, находясь в условиях относительной изоляции от мировой науки, отечественные ученые внесли в освещение данного вопроса свой, достаточно ценный вклад. Развиваясь все же в близком к общеевропейскому русле, их исследования локализируются преимущественно в областях психологии, этнопсихолингвистики, психосемантики и на стыках этих дисциплин. Такой филологический “перекос” спровоцирован прежде всего дискуссией вокруг “гипотезы лингвистической относительности” Сепира-Уорфа (напр., см.: Сепир 1993; Уорф 1960; Звегинцев 1960). Тематическая библиография по указанным и другим направлениям в антропологии цвета с кратким авторским обзором источников помещена в сборнике “Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ” (Самарина 2007). Весьма симптоматично, что по объему источников наиболее скудным в нем оказался этнографический раздел, поэтому одной из задач данной статьи и дальнейших изысканий автор видит в преодолении прежней изоляции от методологических и теоретических наработок зарубежных коллег, во включении российских исследований по антропологии цвета в общемировой научный дискурс. Цель работы показать также, что исследования в данной области могут иметь наряду с академическим и практическое значение.

Некоторые результаты полевых исследований в области антропологии цвета на Кавказе 1989–1993 гг. опубликованы и представлены в докладах на конференциях (напр., см.: Самарина 1994а, 1994б, 1996а, 1996б, 1996в, 1999, 2004; Samarina 1995а,

1995b, 1996, 2007). Удалось выявить вполне самобытную и достаточно цельную, с учетом региональных модификаций, в прошлом весьма замкнутую, а в последние десятилетия все более открытую хроматическую культуру, где многие элементы – цвет в языке, обряде, фольклоре, материальные артефакты – тесно взаимосвязаны. Обнаруженный внутри этой культуры гендерный диморфизм проявлен многообразно: в способах категоризации цвета, в психоэмоциональном отношении к нему – и опредмечен во всем хозяйственном комплексе и в духовных сферах жизни изучаемых культур. Ценность исследований 1990-х годов в том, что предположение о социокультурных истоках обнаруженного феномена было сделано в основном на анализе личных полевых материалов, когда зарубежные источники по этой теме были наименее доступны. При последующем знакомстве с близкими по проблематике трудами коллег выяснилось, что собственная гипотеза во многом находит подтверждение.

Так, изучение цветового словаря среди англоязычных респондентов различного пола, возраста и рода занятий (*Nowaczyk 1982; Rich 1977; Simpson, Tarran 1991*) выявило, что в среднем женщины имеют более обширный цветовой словарь, чем мужчины. И это не только количественный, но и качественный показатель – расширение достигается прежде всего за счет включения наряду с абстрактными¹ также значительно большего, чем у мужчин, числа производных² – описательных – терминов цвета. Сходные, несмотря на культурную дистанцию, гендерные различия в описании цвета были обнаружены даже в провинции Ганьсу в Северо-Западном Китае (Я. Янг, цит. по: *Zollinger 1999: 150*).

Что касается сопоставления гендерного и возрастного параметров в стратегии построения цветового словаря, то есть ряд свидетельств, что респонденты постарше, безотносительно к их полу, используют производные, неабстрактные названия цвета значительно чаще, чем представители младших поколений. При этом старшие мужчины иногда имеют более разнообразный цветовой словарь, чем молодые женщины. Это весьма важный показатель, свидетельствующий о значимости возрастного критерия вне зависимости от гендерного показателя или наряду с ним. Описанные выше результаты были получены в ходе исследования англоязычной группы из 26 женщин и 24 мужчин (*Simpson, Tarrant 1991*). В другом случае тесты показали несущественную разницу между использованием цветových терминов учащимися начальной школы обоего пола (США). В то же время девочки постарше по сравнению с младшими использовали значительно большее число таких терминов, как *розовато-лиловый, бежевый*, которые авторы назвали “импровизированными”, исключив из числа базовых (*Sleight, Prinz 1982*). Единственное известное нам кавказское исследование в данном ракурсе выполнено у цахуров (малый народ Дагестана, язык относится к лезгинской подгруппе нахско-дагестанской группы северокавказской семьи). Здесь набор базовых цветových терминов у подростков обоих полов от 10 до 15 лет оказался существенно ограниченной, чем у взрослых (*Davies et al. 1999*).

Важно подчеркнуть, что в приведенных и других исследованиях по идентификации и категоризации цвета признаки пола и возраста респондентов оказываются плотно связаны, взаимозависимы, что обусловлено, по нашему мнению, наличием у старших поколений большего опыта, как чисто хроматического, так и общекультурного.

Замечания по специфике региона и по выбору респондентов

Для избранной темы важна культурно-хозяйственная специфика региона в прошлом – практически до начала XX столетия вышеперечисленные культуры представляли собой аграрные общества с достаточно четко выраженной иерархией, разделением труда и разделением социальных ролей по признаку пола. Это убедительно показано в разделах фундаментального труда “Народы Кавказа” (Народы Кавказа 1960, 1962) и на примере Северного Кавказа – Я.С. Смирновой (*Смирнова 1983*).

С конца XIX – начала XX в. мужская занятость от преимущественно сельскохозяйственного труда все больше перемещается в сферу городских промыслов, ремесел и предпринимательства. Но несмотря на общие процессы урбанизации и модернизации, захватившие регион, большинство его культур сохранило немало традиционных культурно-хозяйственных черт практически вплоть до конца XX столетия. В связи с этим нашей изначальной целью было получение информации прежде всего от представителей самых старших поколений, свидетелей доиндустриального периода в истории их культур. Нет сомнения в огромной ценности данных 20-летней давности: ведь среди респондентов (в основном женского пола!) были родившиеся в начале XX в. и по естественным причинам сегодня получить сведения от такой возрастной категории уже невозможно. Отметим, что из числа респондентов самой старшей возрастной группы (70 лет и выше) большинство оказались монолингвами, то есть владели только родным языком (22 из 36 чел.), а среди монолингвов основная часть – женщины (18 из 22 чел.). В основном они проживали в относительно изолированных высокогорных селениях, где сохранились элементы традиционного уклада жизни. В отличие от жителей предгорий и равнины, которые активнее контактировали с соседними этническими группами и языками, пожилые жительницы высокогорья, где контакты и в далеком, и в недавнем прошлом были весьма ограниченными, лишь незначительно использовали цветовые термины, заимствованные из других языков, прежде всего русского как языка межнационального общения.

Предварительная гипотеза

Полевые материалы выявили удивительный, на первый взгляд, результат: во многих случаях ответы респондентов коррелировали по гендерному признаку в разных этнических группах заметно больше, чем, например, внутри группы одной этнической принадлежности. И прежде всего это наблюдалось у женщин – представительниц различных культур Кавказа. Они давали перечень и толкование значений тех или иных производных, то есть неабстрактных терминов цвета, следуя более сходной стратегии, чем мужчины и женщины из одной и той же культуры.

Часто респонденты-женщины не только называли показанный им образец на родном языке, но и сопровождали его наименованием, описание эмоциональной и/или эстетической оценкой этого цвета: *красивый – некрасивый, приятный – неприятный, радостный – мрачный, веселый – унылый* и т.п.

На просьбы назвать любые, помимо абстрактных, цветообозначения на своем языке, так же как и на вопросы о цветовых предпочтениях, женщины всегда отвечали активно, в то время как мужчины часто прибегали к совету женщин или отвечали что-то вроде: “Женщины это лучше знают”.

Возникло предположение, что респонденты демонстрировали некие принципиальные различия в самом способе формирования цветового образа у мужчины и женщины. Неоднократно приходилось наблюдать, как название какого-либо цвета порождало в женском сознании вполне конкретные, прежде всего предметные или образные соответствия. Идентификация цвета превращалась иногда в процесс его последовательного соотнесения со знакомыми цветовыми ассоциациями, сближения с “цветными” реалиями культурно освоенного окружающего мира. Показательны в этом смысле случаи, когда информанты-женщины испытывали затруднения при попытке вербального описания цвета по отвлеченному образцу, но при этом легко и быстро “узнавали” данный цветовой тон через идентично окрашенные моток шерсти для ковра, кусочек кожи, фрагмент одежды, узор на ткани и т. п. При равных условиях мужчины чаще всего ограничивались использованием абстрактных цветовых терминов; при отсутствии таковых в своем языке крайне редко обращались к конкретно-ассоциативному, описательному способу определения цвета³.

В целом, создается впечатление, что “хроматический мир” женщин значительно богаче, чем мужчин. Они более чутки к тонкой нюансировке цвета, их цветовой терминологический запас намного полнее, при описании различных предметов и явлений они значительно чаще, чем мужчины, обращаются к “цветным” ассоциациям. В частности, при опросах респондентки проявили гораздо большую чувствительность к тонким, едва различимым цветовым оттенкам. Женщины более склонны включать в свои производные определения цвета ассоциации, непосредственно взятые из их природного и культурно-хозяйственного окружения, которые бывают образными, даже поэтическими, например *цвет вечернего тумана в горах*. Важно, что в этом случае речь идет не о горах вообще, а об окружающих именно конкретное, родное селение Ураги в Дагестане, так же как в примере определения для цвета воды в селении Верхняя Теберда (Карачай). В процессе опроса выяснилось, что определение *цвет воды* подразумевает у жительниц селения именно сине-зеленые оттенки протекающей здесь реки Теберда.

Многие респондентки в конце XX в. профессионально занимались вязанием из шерсти, естественно, окрашенной синтетическими красками, и мало кто из них помнил, чем окрашивалась шерсть в прошлом, однако они демонстрировали достаточно высокую чувствительность к переходным оттенкам цвета, которые были характерны для натуральных красок в прошлом. От представительниц старшего поколения можно было услышать замечание, что “в твоих образцах не хватает” тех или иных оттенков, обозначения для которых есть в их языках.

Отчасти колористически образные обозначения в языке цветового опыта женщин формировались в связи с производством полихромной традиционной женской одежды. Причинно-следственная связь здесь может быть и обратной: цветовой богатство женского костюма, домашних промыслов, характерное для огромного числа культур мира, может быть отражением специфики женского восприятия. Примечательны здесь наблюдения видного швейцарского исследователя Х. Цоллингера о том, что равные женским способности к различению тех же оттенков цвета при естественном и искусственном освещении демонстрируют прежде всего мужчины-художники, специалисты в области красок, т.е. профессионально работающие с цветом (Zollinger 1999: 109).

В национальном костюме многих народов Кавказа существовали общие для обоих полов элементы, иногда одинаковые по материалу или крою. В этом случае женская одежда чаще всего маркировалась именно цветом. Так, овчинные шубы арчинок Дагестана обычно украшались аппликацией из разноцветной ткани и тесьмы по линии выреза, по бортам, на спине. Аналогичной иллюстрацией служит вязаная обувь горских народов Дагестана, которая у женщин всегда была богаче по цветовой гамме, в то время как мужская могла быть вообще одноцветной. О колористическом богатстве комплекса женского убранства горцев Дагестана находим свидетельства в работах Г.А. Сергеевой, это наглядно демонстрирует “Историко-этнографический атлас” одежды народов Дагестана (Булатова и др. 2001; Сергеева 1967, 1979, 1984).

На материале изучения разных народов Северного Кавказа со средневекового периода до XX в. этнографы выявили стабильное “многоцветье” женского костюма по сравнению с хроматически скромным мужским (Студенецкая 1989; Доде 2001). Мы ограничились лишь указанием работ, регионально совпадающих с нашими полевыми данными. Информация по колористике не только одежды, ее аксессуаров, украшений, но и всего преимущественно женского хозяйственно-культурного комплекса, включающего полный цикл изготовления одежды, ковроделие, вязание, вышивку, содержится в многочисленных исследованиях по целому ряду народов Кавказа, в том числе в обобщающих источниках (Народы Кавказа 1960, 1962; Народы Дагестана 2002, Тер-Саркисян 2005; Абхазы 2007). О богатейшей полихромии женской одежды, особенно ритуальной, свадебной, всего комплекса материальной культуры народов Кавказа, где доля участия женщины очень высока, свидетельствуют коллекции Музея антропологии и этнографии “Кунсткамера”, Российского этнографического музея (Санкт-Пе-

тербург), Государственного музея народов Востока (Москва), Государственного музея Грузии (Тбилиси), недавно изданные рисунки уроженцев Кавказа, сделанные в 1912 г. немецким художником Максом Тильке (*Тильке 2007*).

Мы предположили, что полихромия созданного женщиной культурного мира могла породить специфически женские стратегии в формах и способах описания цвета, некоторым образом соотносенные с возрастом, а также задались вопросом, какая взаимозависимость может быть выявлена между факторами пола, возраста и использованием разных типов цветовой лексики на основе нашей базы данных. В данном случае была использована только количественная фиксация частотности соотношений между абстрактной и производной цветовой лексикой, причем применительно лишь к двум показателям – гендерному и возрастному.

Метод исследования

Полевая работа в 1989–1993 годах проводилась в сельских районах Дагестана, некоторых республик Северного Кавказа и Грузии⁴. Основным методом было индивидуальное интервьюирование респондентов по ряду вопросов. В частности, предлагалось задание с помощью образцов цвета и безотносительно к образцам дать на родном языке исчерпывающий список названий, определений цвета, как абстрактных (монолексем), так и неабстрактных, т.е. производных (описательных по аналогии с какими-либо предметами и явлениями природы и культуры). Поскольку основная часть респондентов была билингвальная (владеющая родным и русским языками), допускалось также указание обозначений цвета на русском языке. Образцами служили большие наборы цветных карандашей, а также фрагменты окрашенных пряжи, кожи, тканей и других цветных артефактов, принадлежащих респондентам.

Процедура исследования

Общее число респондентов по Северному Кавказу, Дагестану и Грузии составило 116 чел. (85 женщин и 31 мужчина), представляющих 13 народов из четырех языковых семей (индоевропейская семья – осетины; картвельская семья – грузины; северокавказская семья: абхазо-адыгская группа – кабардинцы, черкесы, адыгейцы, абзины; нахско-дагестанская группа – ингуши, аварцы, даргинцы; тюркская семья – азербайджанцы, ногайцы, карачаевцы, балкарцы).

База данных включает следующие сведения о респондентах: пол, возраст, этнокультурное происхождение, уровень образования, сведения о профессии или сфере деятельности, а также количество абстрактных и производных терминов цвета, которые они смогли назвать. Обработка данных по авторской методике выполнена с использованием программы SPSS.

На основе полученной базы данных была сделана парная регрессия с использованием характеристики “пол” как независимой переменной и показателя “процент производных цветовых терминов” в качестве зависимой переменной. Корреляция оказалась сильной и безусловно значимой. В нашем случае это означает, что респонденты женского пола показали значительно более высокий процент производных цветовых терминов по сравнению с мужчинами из той же выборки (см.: Табл. 1, Диаграмма 1)⁵.

Затем был проведен парный регрессионный анализ с использованием переменных “процент производных цветовых терминов” и “возраст”. В этом случае корреляция оказалась достаточно сильной и значимой, хотя и заметно менее сильной, чем в предыдущем случае: процент использования производных цветовых терминов заметно повышался с возрастом респондентов, но эта зависимость несколько слабее, чем в случае корреляции с их полом (см.: Табл. 2, Диаграмма 2).

В завершение был проведен множественный регрессионный анализ с использованием “процента производных цветовых терминов” в качестве зависимой переменной,

Таблица 1

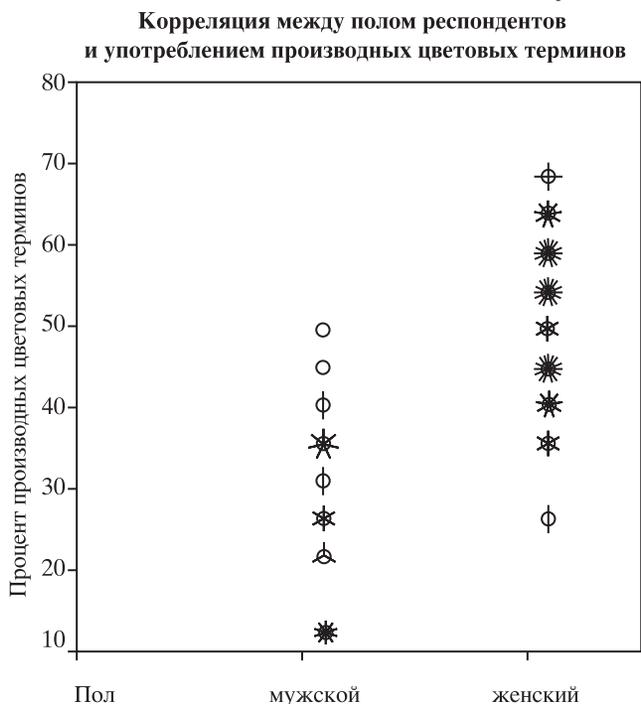
Корреляция между полом респондентов и употреблением производных цветowych терминов

Модель	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	t	Статистическая значимость (α)
	B	Стандартная ошибка	β		
Константа	25,821	1,858		13,901	<0,001
Пол	24,974	2,198	0,735	11,363	<0,001

$$R = 0,735; R^2 = 0,540^*$$

* R^2 называется “коэффициентом детерминации” и показывает, насколько независимая переменная (в данном случае пол) детерминирует вариацию зависимой переменной (в данном случае – процент производных цветowych терминов). Здесь значение этого показателя достигает 0,54; таким образом, речь идет о детерминации на 54%.

Диаграмма 1

а “пола” и “возраста” в качестве независимых переменных. В результате введения обеих независимых переменных в одну регрессию значения бета-коэффициентов для них выросли. Это свидетельствует о том, что и пол, и возраст респондентов являются самостоятельными факторами и оказывают достаточно сильное и независимое воздействие на зависимую переменную (“процент производных цветowych терминов”), вместе с тем пол оказывается заметно более мощным фактором, чем возраст (см.: Табл. 3). Таким образом, процент производных терминов цвета выше у респондентов женского пола и значительно возрастает у представителей обоих полов с повышением возраста, но гендерный фактор оказывается сильнее.

Таблица 2

Корреляция между возрастом респондентов и употреблением производных цветовых терминов

Модель	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	t	Статистическая значимость (α)
	B	Стандартная ошибка	β		
Константа	12,548	5,344		2,348	0,021
Возраст	0,498	0,083	0,496	5,994	<0,001 ⁶

$R = 0,496$; $R^2 = 0,246$

Диаграмма 2

Корреляция между возрастом респондентов и употреблением производных цветовых терминов

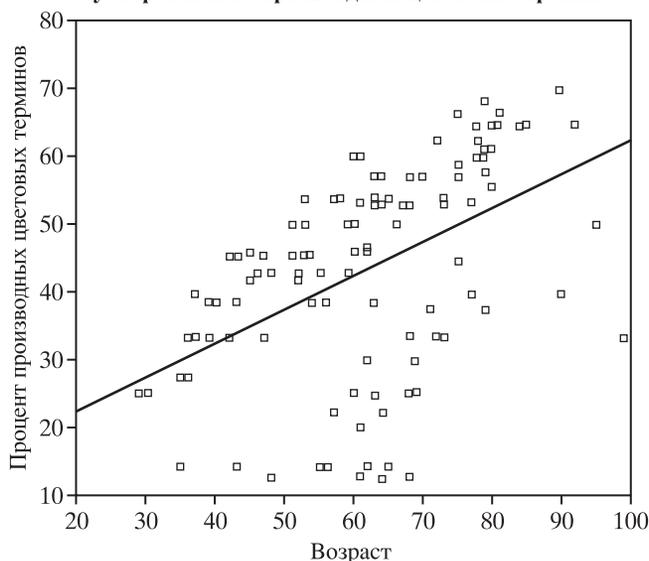

Таблица 3

Корреляция между полом/возрастом респондентов и употреблением производных цветовых терминов

Модель	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	t	Статистическая значимость (α)
	B	Стандартная ошибка	β		
Константа	-10,271	2,633		-3,900	<0,001
Возраст	0,561	0,037	0,558	14,991	<0,001
Пол	26,488	1,266	0,779*	20,925	<0,001

$R = 0,922$; $R^2 = 0,850$

* β -коэффициенты в множественной регрессии дают представление о сравнительной силе факторов. В нашем случае пол характеризуется более высоким значением β -коэффициента, чем возраст; это значит, что пол является более сильной детерминантой процента производных цветовых терминов, чем возраст.

Обсуждение результатов

Гендерный фактор. Результаты изучения полевых материалов повлекли за собой ряд вопросов. Каким образом можно интерпретировать описанное явление, и не только применительно к нашему случаю? Является ли оно свидетельством наличия у женщин заданных природой, отличных от мужских, особых параметров в психоэмоциональном, а тем более физиологическом восприятии цвета? Или такие различия, скорее, являются следствием разделения социальных ролей мужчин и женщин в охарактеризованных выше культурах Кавказа и сходных с ними?

Версии физиологических детерминант диморфизма восприятия цвета становятся ныне предметом изучения в нейрофизиологии, психологии, психолингвистике и в междисциплинарных подходах. Именно в таком ракурсе эта многогранная проблематика обсуждается в работах известного исследователя цвета Н.В. Серова (*Серов* 1990, 1995, 2001, 2004, 2005).

Между тем существующих данных в области цветовосприятия у детей и взрослых, судя по всему, совершенно недостаточно, чтобы считать возможным влияние биологических факторов на культурную специфику женского цветового мира. Библиография источников по этой теме обширна, ограничимся ссылкой на сборник статей под редакцией известных исследователей цветового восприятия Х. Барлоу и Дж. Моллона (*The Senses* 1982) и труды видного ученого в данной области М. Борнстейна, суммированные им в упомянутом выше сборнике “*Anthropology of Color*” (*Bornstain* 2007). Общим положением в этих и других работах является указание на то, что женщины значительно меньше подвержены различным нарушениям нормального цветового зрения. В одном из исследований (в Новой Зеландии и США) по стратегиям членения цветового пространства в категориях языка в разнополых англоязычных группах подростков, студентов и университетских сотрудников причины обнаруженных здесь половых различий авторы предлагают искать в нескольких плоскостях: “Эти различия могут объясняться когнитивными и социальными причинами, поскольку разные модели социализации у мужчин и женщин обуславливают большее внимание к цвету у женщин” (*Bimler et al.* 2004). Возможно, сюда же можно отнести экспериментальные данные Борнстейна, когда при равных условиях в заданиях называния цвета по образцам у детей младшего дошкольного возраста девочки систематически демонстрировали превосходство по отношению к мальчикам (*Bornstain* 1985).

Методологически оправданно заключение А. Вежбицкой о том, что концептуализация цвета в языке может быть ограничена возможностями нейрофизиологии зрения, но в терминах нейрофизиологии зрения она не может быть ни описана, ни объяснена (*Вежбицкая* 1996: 237).

Количественно и локально ограниченный кавказский материал, разумеется, не исчерпывает все те социокультурные и экономические факторы, которые повлияли на приобретение в ходе многотысячелетнего развития человеческого общества специфической гендерной дифференциации в отношении цвета. Однако наличие признаков “женской цветовой субкультуры” в рамках этноспецифических традиций у ряда народов Кавказа подтверждается не только приведенной выше статистикой, но и результатами обработки данных анкетирования в сельских районах Имеретии (Грузия, 2005 г.), а также представителей народов Кавказа и других культур в Москве с начала 2000-х годов до настоящего времени. Кроме того, в своих обобщениях мы учитываем все известные нам данные по интересующей проблематике, библиография которых содержится во многих публикациях автора (наиболее полно см.: *Самарина* 1992, 2007).

В цветовой лексике и символике мы видим, прежде всего, историческое отражение культурно-хозяйственной диверсификации культур мира, которая и выработала у каждого пола необходимые именно ему в той или иной культурно-исторической реальности навыки. В контексте идей С.А. Арутюнова и Э.С. Маркаряна об универсальных и специфических формах адаптации культур к среде обитания способности к нюанс-

ному различению цвета и разным способам его описания в языке могут быть рассмотрены как специфическое проявление адаптивного культурного полиморфизма (Культура жизнеобеспечения 1983: 53–60, 254–286; Арутюнов 1989, 2000).

Действительно, “базовые”, т.е. абстрактные цветовые термины, являются своего рода интернациональным ядром цветовой лексики, в то время как ее пространную периферию занимает как раз обширный и сложно структурированный слой культурно-специфических названий цвета (напр., см.: Самарина 1992), обозначаемых как неабстрактные или производные. В историческом формировании такой лексической периферии участвует и “женская цветовая субкультура”, зачастую говорящая языком далеких этнических предков.

В социальном смысле, как было упомянуто выше, народы Кавказа в недавнем прошлом представляли собой аграрные общества с выраженной иерархией половозрастных групп и жестким разделением социально-хозяйственных ролей. Здесь на долю женщин в доиндустриальный период приходилась, в частности, выработка натуральных красителей из природного сырья, окраска ниток, тканей и кож для изготовления одежды, ковров и пр. Подробная информация о природных красителях Кавказа, технологии их изготовления содержится, например, в фундаментальном издании “Материалы по истории народной кустарной промышленности и мелкого ремесла Грузии” (Материалы по истории 1982) и в книге Н. Бурдукова о красителях в ковроделии (Бурдуков 1903). В культурах этого региона, судя по рудиментарным образцам лексики, как и в цветовом словаре старо- и среднеанглийского языка, “самые ранние производные цветовые термины были названиями красящих веществ, пигментов, текстильных изделий (и исходного сырья, из которого красители и пигменты извлекались)” (Casson 1994: 5–22).

В целом за женщинами оказались традиционно закреплены сферы деятельности, где способность к различению цветов и их оттенков имела не только прямой производственный смысл (например изготовление красок из природного сырья, процесс окрашивания, художественные промыслы), но часто заключала в себе витальное значение, которое обеспечивало биологическое выживание сообщества. Это, прежде всего, различение ядовитых и съедобных растений, определение пригодной к употреблению степени созревания плодов диких и культурных растений, процесс приготовления пищи. Любой современной хозяйке известно, сколь важны цветовые параметры в определении качества, иногда даже вкусовых свойств продуктов питания, степени готовности пищи. Опыты по тестированию различных сенсорных систем в оценке пищи показали, что оценка по цветовому признаку оказывается более значимой, чем по форме и даже вкусу (Цоллинггер 1995: 156–172). На адаптивную функцию цвета как биологически важного параметра в отношениях между человеком и природой обращает внимание Р. Шепард (Shepard 1992: 495–532).

У вышеупомянутых народов Кавказа в словаре производных терминов чаще всего встречаются обозначения цвета, происходящие от: названий растений, культурных и дикорастущих (*земляничный, цвет древесной смолы, цвет фиалки, каштановый, табачный, как морковь*); продуктов питания (*желтый как желток, медовый*); названий природных веществ и растений, используемых для получения красителей (*дубовой коры, ореховой кожуры, мареновый*) и т.д. Приведенные термины наглядно показывают, что в цветовых понятиях наиболее полно разработана колористика преимущественно женских сфер деятельности, которые, образно говоря, оказываются и самыми “цветными” в структуре домашнего хозяйства. Особо красноречивы в этом смысле такие обозначения, как *цвет недельного гусенка, незрелой айвы, сырой печени, как только что сбитое масло* – очевидно, что они могли быть получены только от женщин.

Содержательная структура цветовой лексики обоих полов будет рассмотрена отдельно. Укажем лишь на один аспект очевидного, независимого от этнокультурной принадлежности отличия данных, полученных от мужчин. Так, в числе производных терминов цвета самое значительное место занимают обозначения окраса и мастей домашних животных, соответствующие русским (*гнедой, вороной, пегий, рябая*), а так-

же животных и птиц, диких и живущих рядом с человеком (*мышинный, цвет голубиной шейки, рыжий как лиса*). Нельзя сказать, что подобных наименований мы не получали от женщин, но в цветовом словаре мужчин они отражают отголоски специализации мужчин как охотников и скотоводов, типичной для многих культур кавказского региона. В целом структура производной цветовой терминологии ложится в контекст обнаруженной у многих народов “отраслевой”, выявляющей основную специфику их культуры: собирательство, охота, скотоводство, земледелие и т.д.

Для сравнительного синхронного и диахронного анализа гендерных и этнокультурных аспектов цветообозначений большую ценность представляет систематизированный на материале польского и русского языков филологом В.Г. Кульпиной внушительный свод образцов цветовой лексики по самому широкому спектру природных и культурных объектов (*Культура* 2001).

Нынешняя ярко выраженная тенденция развития нашего цветового словаря в сторону средневропейских городских стандартов (с учетом лексики из мира рекламы и моды) видна на примере названий цвета в русском языке (*Василевич и др.* 2002, 2005). Приведенный данными авторами обширный перечень цветовой номенклатуры отражает достаточно основательный разрыв с “материнскими” культурами и возникновение новой “глобализированной” цветовой реальности.

Механизмы возникновения нового “хроматического окружения”, вызванного процессами урбанизации и изобретением искусственных красителей, убедительно показал З. Павлович. В частности, идеология получения синтетических красок следует правилу “один цвет – одно наименование” (*Pavlovic* 1977: 31). Как следствие, реальная потребность в цветовых обозначениях производного уровня, связанных с традиционными реалиями, снизилась, а почва для появления новых в условиях уже больше не природных, а городских ландшафтов значительно модифицировалась.

Возвращаясь к культурам традиционного типа, где практически весь комплекс домашнего хозяйства находился в компетенции женщины и был значительно более автономным по сравнению с миром мужских компетенций, логично предположить, что именно здесь, в “женском мире”, формировались локальные внутрикультурные черты, консервировались наиболее архаичные крупницы этноспецифического опыта, в данном случае хроматического. Поскольку женщина является также главным воспитателем детей и последние впитывают элементы своей культуры прежде всего в женской “интерпретации”, несомненной представляется роль женщины как основной хранительницы и межпоколенного передатчика во многом ею же выработанных культурных традиций, в том числе связанных с цветом.

Даже сегодня, когда основы традиционной модели хозяйства уже значительно разрушены, у горских народов Кавказа, особенно в Дагестане, именно среди пожилых женщин, как отмечалось, еще можно встретить монолингвов, носителей наиболее ценной локально-культурной информации в языке. Кроме того, во многих высокогорных селениях, например у аварцев, женщины старших поколений до сих пор сохранили национальный костюм как повседневную одежду, следуя в нем колористическим традициям прошлого, в то время как мужчины этих же селений практически полностью сменили его на костюм европейского типа и надевают национальную одежду только как праздничную, обрядовую, да и то далеко не повсеместно.

Заслуживает внимания сделанное с учетом исследований отечественных биологов В.А. Геодакяна, Н.Н. Брагина и Т.А. Доброхотова предположение Н.В. Серова, что в эволюционном плане женский интеллект больше специализировался на функциях консервации человеческого опыта, хроматического в том числе (*Серов* 1990: 45). Уместно упомянуть и суждение О.М. Фрейденберг в связи с анализом античного фольклора о более консервативном по сравнению с мужчинами «укладе» у женщин в части сохранения традиций, канонов, обрядности (*Фрейденберг* 1978: 132).

Выделенную специфику мы предлагаем обозначить как “женскую цветовую субкультуру”. Для доиндустриальных обществ традиционного типа такой гендерный ди-

морфизм, судя по многочисленным кросскультурным исследованиям, имеет достаточно универсальный характер и сохраняется до настоящего времени. Это явление изучается, в частности, Н.В. Серовым в контексте оригинальной авторской концепции взаимодействия посредством цвета различных сфер человеческого опыта (Серов 1990, 1995, 2001, 2004, 2005).

По отношению к изучаемому региону цветовая женская субкультура является, на наш взгляд, органичной составляющей “женского” пространства культуры наряду с “мужским”. Изучению этой темы, в частности на кавказском материале, уделено специальное внимание в трудах Я.В. Чеснова и Ю.Ю. Карпова (Чеснов 1998, 2007; Карпов 1996, 2001).

Возрастной фактор. Из полученных данных очевидно, что взаимозависимость между возрастом респондентов и количеством названных ими обозначений цвета неабстрактного уровня существует и свидетельствует в пользу культурного происхождения гендерных различий в способностях к категоризации цвета. Так, если выделить данные, полученные от респондентов-женщин, становится очевидным, что количество и локальная информативность их производных цветообозначений коррелируют не только с биологическим возрастом, но и с различиями исторических периодов, в течение которых натуральные краски были вытеснены синтетическими (сначала анилиновыми) и домашнее крашение последовательно замещалось промышленным.

Возрастной показатель здесь прямо сопряжен с общими для истории многих кавказских культур процессами их кардинального размывания как целостных хозяйственных структур с относительно замкнутой системой жизнеобеспечения. Оба фактора относятся к рубежу XIX–XX вв., а также к первым десятилетиям XX в., совпадая по времени с бурным промышленным развитием в России. Последнее сопровождалось скачкообразными переменами в традиционном социально-экономическом укладе народов российского государства, процессами, которые продолжились и в советский период.

Респондентки, социализация которых приходится на 20–30-е годы XX в., назвали значительно меньше производных, описательных обозначений цвета, чем женщины более старшего возраста. Весьма красноречив тот факт, что возрастная группа респонденток, социализация которых приходится на 40–50-е годы и более поздние периоды, в основном дает качественно иной состав производной цветовой лексики. Большая часть ее уже значительно слабее связана со своей культурой, и состав неабстрактных обозначений цвета у них содержит много названий, заимствованных и калькированных с русского языка (существенное значение здесь имеет, конечно, и образование, удельный вес русского языка в котором был достаточно высоким). Вот показательный пример такого рода: если некоторые из представительниц средней и тем более самой молодой возрастной группы и называли такой “архаичный” термин, как *мареновый* (производный от самого распространенного в регионе в прошлом источника растительной краски из корня семейства мареновых), то в одном случае не знали о его происхождении, а в другом даже приблизительно не могли сказать, какому цвету он соответствует.

База данных, хотя и довольно ограниченная, дает возможность сравнить информацию, полученную от представителей как минимум трех возрастных групп: 1) от 30 до 50 лет; 2) от 50 до 70 лет; 3) 70 лет и старше. Примечательно, что перечень производных, неабстрактных обозначений цвета у представителей двух младших возрастных групп (в случаях, когда удалось получить информацию от представительниц всех возрастных групп в одной или близких культурах) в значительной степени повторяет перечень, полученный от представителей самого старшего поколения.

Аналогичные стратегии зафиксированы в большом кросскультурном исследовании цветовой терминологии американцев и вьетнамцев (Alvarado, Jameson 2005). Этот факт свидетельствует, скорее всего, о том, что посредством межпоколенной речевой трансмиссии язык очень долго сохраняет понятия, которые непосредственная реальность уже давно не отражает. В данном случае это касается названий цвета, произ-

водных от источников растительных красок и самих красок, от хроматики локальных культурных и диких растений, традиционных пищевых продуктов, а также окраса и мастей домашних и в меньшей мере диких животных и птиц.

Заключение

Основные итоги исследования по соотношению факторов пола, возраста с количественным показателем неабстрактной цветовой терминологии на материале нескольких культур Кавказа можно сформулировать в нескольких положениях.

Оказалось, что оба фактора – пол и возраст – с очевидностью коррелируют с количеством и содержательным составом неабстрактной цветовой терминологии, но степень этой корреляции различна. Как показали результаты, преимущественное влияние здесь оказывает гендерный фактор – т.е. в любом случае женщины во всех возрастных категориях заметно шире используют цветовую лексику описательного уровня. Что касается фактора возраста, то очевидно, что чем старше респонденты обоих полов, тем отчетливее проявляется тенденция к использованию цветовой лексики такого рода; иначе говоря, возрастание количества производных цветowych терминов прямо соотносится с повышением возрастного показателя.

Высказано положение, что такая выраженная гендерная корреляция может получить объяснение через феномен “женской цветовой субкультуры”, которая по совокупности своего влияния перекрывает поле факторов, определяющих этничность, и отражает универсальные закономерности функционирования цвета в культуре как частное проявление оппозиции “мужское” – “женское”.

Предложенное исследование затрагивает достаточно узкий аспект огромной области бытования цвета в культурах, области, которую автор предлагает именовать “антропология цвета” и рассматривать как субдисциплину в качестве раздела дисциплины культурная/социальная антропология.

Приведенные данные убеждают в том, что такие, казалось бы, внеэтнические по существу факторы, как пол и возраст респондентов – носителей соответствующей цветовой лексики, становятся диагностическими показателями степени сохранности или разрушения традиционной составляющей в культурах Кавказа. Задачу данной публикации автор видит в том, чтобы показать, что исследования подобного рода обладают огромным информативным потенциалом в отношении любой культуры, на которую они будут спроецированы.

Сравнение наших результатов с данными, полученными в обществах с разным этнокультурным происхождением, может быть полезно для понимания социальных, этнокультурных и технологических процессов модернизации, которые приводят к эффекту регрессии локальных цветowych словарей и одновременно к их качественно иному развитию.

Примечания

Выражаю благодарность заведующему отделом Кавказа чл.-кор. РАН С.А. Арутюнову за многолетнюю поддержку моих изысканий по теме “Антропология цвета”, коллегам А.В. Коротаеву и Д.А. Халтуриной за консультирование по статистической обработке базы данных, редакторам сборника “Anthropology of Color” и особую признательность за сотрудничество д-ру Р. Маклаури.

¹ Научная традиция к числу абстрактных цветов относит соответствующие в английском и основных европейских языках три ахроматических – черный, белый, серый и восемь хроматических – красный, желтый, зеленый, синий, коричневый, фиолетовый, розовый, оранжевый. Эти “базовые” 11 монолексем выделены не только как перцептивные, но и семантические, переводимые с языка на язык, универсалии. Подробнее о теории базовых терминов цвета и дискуссиях вокруг нее напр., см.: Самарина 1992. В любом случае в мировой научный дискурс гипотеза вошла как одна из опорных, поэтому сошлемся лишь на первоисточник (*Berlin, Kay 1969*). Для нас представляется важным обсуждение версии о базисном статусе 12-го термина “голубой” и

близких ему по значению в русском, украинском, ряде славянских и других европейских языков (напр., см.: *Бахилина* 1975: 203, 266–267; *Фрумкина* 1984: 31, 116–133; *Вежбицкая* 1996; *Вендина* 1999; *Яворьска* 1999; *Кульпина* 2001: 116; *Василевич и др.* 2005; *Paramei* 2007). Учитывая данные этих и других источников, мы включаем голубой в число базовых абстрактных терминов цвета.

² Существует ряд близких по значению определений цвета неабстрактного уровня, в частности “вторичные” (secondary), “описательные” (descriptive), “конкретно-ассоциативные”, “предметно-образные”; в данной работе отдается предпочтение определению “производные” (derived, elaborate). Все они используются нами в разных контекстах для обозначения всей совокупности способов описания цвета, еще не абстрагированных от конкретного предмета, объекта, образа природного или культурного происхождения (например: *малиновый, желтый как желток, древесный, цвет голубиной шейки* и т. п.).

³ Наш опыт оказался сходным с данными А.Р. Лурия 1930–1931 годов по сельским районам Узбекистана и Киргизии. Анализ аналогий заслуживает отдельного внимания, здесь скажем только, что они прослеживаются в стратегиях описания цвета прежде всего у неграмотных женщин-монолингвов, а также женщин и мужчин с разным уровнем образования. В частности, мужчины использовали преимущественно абстрактные обозначения цвета, как и в нашем случае, часто заимствованные из русского (*Лурия* 1982).

⁴ 1989 г.: абазины – с. Псыж (Карачаево-Черкесия); ногайцы – с. Икон-Халк (Карачаево-Черкесия); осетины – селения Цей, Гизель, Заманкул, Зельги (Северная Осетия); ингуши – пос. Майский (Северная Осетия); карачаевцы – сел. Верхняя Теберда, хутор Дружба (Карачаево-Черкесия); балкарцы – селения Верхний Чегем, Верхний Баксан, Безенги (Кабардино-Балкария); кабардинцы – селения Чегем 1, Урвань (Кабардино-Балкария); черкесы – с. Адыге-Хабль (Кабардино-Балкария); грузины – села Квирик, Цаврока, Бобоквати (Грузия, Аджария); села Ниноцминда, Манави, Диди Чайлури, Анага, Джугаани, Хорнабуджи, Эрисимеди (Сагареджойский и Сигнахский р-ны Грузии); азербайджанцы – села Йормуганло, Кабала (Грузия).

1990 г.: аварцы – аулы Харахи, Мачада, Гента (Дагестан); даргинцы – аулы Ураги, Кубачи, Хулабаркмахи (Дагестан).

1992 г.: адыгейцы – аул Кошехаблы (Адыгея).

1993 г.: карачаевцы – селения Учккен, Терезе (Карачаево-Черкесия).

⁵ В диаграмме использован графический прием Sunflowers («подсолнухи»), применение которого целесообразно, когда несколько случаев имеют идентичные значения обоих показателей. В данном случае кружок с двумя «лепестками» означает, что характеристики, соответствующие данной координатной точке, имеют два респондента выборки. Если у кружка три «лепестка», то таких респондентов три, и т. д. Кружок без «лепестков» соответствует одному респонденту.

⁶ Обычно говорят о статистической значимости некой корреляции $< 0,001$ (или что она значима на уровне $< 0,001$) в том случае, когда подобная корреляция может быть случайной лишь с вероятностью, меньшей 0,001 (при отсутствии реальной закономерной связи между признаками), т. е. имеется менее одного шанса из тысячи, что наблюдаемая корреляция является случайной. Вероятность эта крайне низка, и в таком случае гипотеза о наличии связи между признаками считается подтвержденной.

Литература

- Абхазы 2007 – Абхазы / Отв. ред. Ю.Д. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун. М., 2007.
- Арутюнов 1989 – Арутюнов С.А. Народы и культуры, их развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов 2000 – Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. Lewiston; N.Y. 2000.
- Бахилина 1975 – Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.
- Булатова и др. 2001 – Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. Пушино, 2001.
- Бурдуков 1903 – Бурдуков Н. Ковровое производство Закаспийского края и Кавказа в зависимости от растительных красок привозных из Персии. СПб., 1903.
- Василевич и др. 2002 – Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Каталог названий цвета в русском языке. М., 2002.
- Василевич и др. 2005 – Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке. М., 2005.

- Вежбицкая* 1996 – *Вежбицкая А.* Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия // *Язык. Культура. Познание.* М., 1996. С. 231–291.
- Вендина* 1999 – *Вендина Т.И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // *Славянский альманах* 1998. М., 1999. С. 277–304.
- Доде* 2001 – *Доде З.В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа: Очерки истории. М., 2001.
- Жуковская* 1988 – *Жуковская Н.Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988.
- Звегинцев* 1960 – *Звегинцев В.А.* Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // *Новое в лингвистике.* 1960. Вып. 1. С. 111–134.
- Карпов* 1996 – *Карпов Ю.Ю.* Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
- Карпов* 2001 – *Карпов Ю.Ю.* Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.
- Кулемзин* 1983 – *Кулемзин В.М.* Некоторые способы цветообозначения у хантов // *Этнокультурные процессы в Западной Сибири.* Томск, 1983. С. 124–128.
- Кульпина* 2001 – *Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках. М., 2001.
- Культура жизнеобеспечения* 1983 – *Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры)* / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. Ереван, 1983.
- Лурия* 1982 – *Лурия А.Р.* Культурные различия и интеллектуальная деятельность // *А.Р. Лурия. Этапы пройденного пути: Научная автобиография.* М., 1982. С. 47–69.
- Материалы по истории* 1982 – *Материалы по истории народной кустарной промышленности и мелкого ремесла Грузии* / Под общ. ред. И.А. Джавахишвили. Т. II. Ч. II. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Народы Дагестана* 2002 – *Народы Дагестана* / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002.
- Народы Кавказа* 1960, 1962 – *Народы Кавказа.* Т. 1. М., 1960; Т. 2. М., 1962.
- Рыжакова* 2002 – *Рыжакова С.И.* Язык орнамента в латышской культуре. М., 2002.
- Самарина* 1992 – *Самарина Л.В.* Традиционная этническая культура и цвет (Основные направления и проблемы зарубежных исследований) // *Этнограф. обозрение.* 1992. № 2. С. 147–156.
- Самарина* 1994а – *Самарина Л.В.* Цвет в языке и культуре некоторых народов Северного Кавказа и Дагестана // *Краткое содержание докладов Лавровских (Среднеазиатско-Кавказских) чтений.* СПб., 1994. С. 50–52.
- Самарина* 1994б – *Самарина Л.В.* Особенности женского цветовосприятия в традиционной культуре // *Женщина и свобода: пути выбора в мире традиций и перемен* / Отв. ред. В.А. Тишков. Матер. междунар. конф. М., 1994. С. 384–390.
- Самарина* 1996а – *Самарина Л.В.* Цвет в женской субкультуре (Северный Кавказ, Дагестан) // *Гуманитарная наука в России: История. Археология. Культ. антропология и этнография.* М., 1996. С. 378–384.
- Самарина* 1996б – *Самарина Л.В.* Цветовой образ этнической культуры (Северный Кавказ и Дагестан) // *Северный Кавказ: бытовые традиции в 20 в.* М., 1996.
- Самарина* 1996в – *Самарина Л.В.* Цвет как средство коммуникации (Северный Кавказ, Дагестан) // *Невербальное поле культуры: Тело. Вещь. Ритуал.* М., 1996. С. 52–57.
- Самарина* 1999 – *Самарина Л.В.* Цвет в традиционной культуре Карачая и Балкарии // *Карачаевцы и балкарцы: Этнография, история, археология.* М., 1999. С. 275–289.
- Самарина* 2004 – *Самарина Л.В.* Неабстрактная цветотерминология как маркер культурных границ (на примере цветового словаря народов Северного Кавказа) // *Проблемы цвета в этнолингвистике, истории и психологии: Матер. круглого стола.* Москва, 2004. С. 47–51.
- Самарина* 2007 – *Самарина Л.В.* Библиография по антропологии цвета // *Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ* / Отв. ред. А.П. Василевич. М., 2007. С. 279–314.
- Сергеева* 1967 – *Сергеева Г.А.* Арчинцы. М., 1967.
- Сергеева* 1979 – *Сергеева Г.А.* Основные комплексы традиционной одежды аварцев и их трансформация в советское время // *Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе.* М., 1979. С. 204–254.
- Сергеева* 1984 – *Сергеева Г.А.* Вязаная обувь народов Горного Дагестана // *КЭС.* 1984. Вып. 8. С. 106–140.

- Серов* 1990 – *Серов Н.В.* Хроматизм мифа. Л., 1990.
- Серов* 1995 – *Серов Н.В.* Античный хроматизм. СПб., 1995.
- Серов* 2001 – *Серов Н.В.* Светоцветовая терапия. СПб., 2001.
- Серов* 2004 – *Серов Н.В.* Цвет культуры. СПб., 2004.
- Серов* 2005 – *Серов Н.В.* Лечение цветом: архетип и фигура. СПб., 2005.
- Сепир* 1993 – *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. М., 1993.
- Смирнова* 1983 – *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. Вторая половина XIX – XX в. М., 1983.
- Соколова* 1976 – *Соколова З.П.* Страна Югория. М., 1976.
- Студенецкая* 1989 – *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М., 1989.
- Талигина* 1999 – *Талигина Н.М.* Цветовая триада хантов Нижнего Приобья: Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 8 / Ред. Н.В. Лукина. Томск, 1999.
- Тильке* 2007 – *Тильке М.* Костюмы народов Кавказа: Каталог. Изд. 2-е. Тбилиси, 2007 (на груз., нем., англ. и рус. яз.).
- Фрейденберг* 1978 – *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978.
- Фрумкина* 1984 – *Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М., 1984.
- Уорф* 1960 – *Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. 1960. Вып. 1. С. 135–198.
- Цоллингер* 1995 – *Цоллингер Г.* Биологические аспекты цветовой лексики // Красота и мозг: Биологические аспекты эстетики / Ред. И. Ренчлера и др. М., 1995. С. 156–172.
- Чеснов* 1998 — *Чеснов Я.В.* Лекции по исторической этнологии: Учеб. пособие. М., 1998.
- Чеснов* 2007 — *Чеснов Я.В.* Телесность человека: философско-антропологическое понимание. М., 2007.
- Шевцова* 2007 – *Шевцова А.А.* Казахский народный орнамент: истоки и традиции. М., 2007.
- Яворьска* 1999 – *Яворьска Г.М.* Мовні концепти кольору (до проблеми категоризації) // Мовознавство. 1999. № 2–3. С. 42–50.
- Alvarado, Jameson* 2005 – *Alvarado N., Jameson K.A.* Confidence judgments of color category best exemplars // Cross-Cultural Research. 2005. Vol. 39 (2). P. 134–158.
- Berlin, Kay* 1969 – *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Univ. Californ. Press, Berkeley-Los Angeles, 1969.
- Anthropology of Color* 2007 – *Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling* / Eds R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. Amsterdam & Philadelphia, 2007.
- Bimler et al.* 2004 – *Bimler D.L., Kirkland J., Jameson K.A.* Quantifying variations in personal color spaces: Are there sex differences in color perception? // Color Research and Application. 2004. Vol. 29. P. 128–134.
- Bornstein* 1985 – *Bornstein M.H.* On the development of color naming in Young Children: Data and theory // Brain and language. 1985. Vol. 26. P. 72–93.
- Casson* 1994 – *Casson R.W.* Russet, rose, and raspberry: The development of English secondary color terms // Journal of Linguistic Anthropology. 1994. Vol. 4. P. 5–22.
- Davies et al.* 1999 – *Davies I.R.L., Sosenskaja T., Corbett G.G.* Colours in Tsakhur: First account of the basic colour terms of a Nakh-Daghestanian language // Linguistic Typology. 1999. Vol. 3. P. 179–207.
- Nowaczyk* 1982 – *Nowaczyk R.H.* Sex-related differences in the color lexicon // Language and Speech. 1982. Vol. 25. P. 257–265.
- Paramei* 2007 – *Paramei G.V.* Russian “Blues”: Controversies of Basicness // Anthropology of Color... P. 75–106.
- Pavlovic* 1977 – *Pavlovic Z.* Svet Boje. Beograd, 1977.
- Rich* 1997 – *Rich E.* Sex-related differences in colour vocabulary // Language and Speech. 1997. Vol. 20. P. 404–409.
- Samarina* 1995a – *Samarina L.V.* Colour construction and Natural Environment in the North Caucasus Highlands // Ethnoses and Nature: International Forum ETNA 95. Poprad, 1995.
- Samarina* 1995b – *Samarina L.V.* Terminology in North Caucasian Female Subculture: a Tail of Tradition // Biodemography and Human Evolution. JUAES Intercongress. Firenze, 1995.
- Samarina* 1996 – *Samarina L.V.* Field work at the end of the 20 th. century (Anthropology of Colour. North Caucasus, Daghestan) // Cultural and economy: conflicting interests, divided loyalties. 4-th EASA conference. Barcelona, 1996.

- Samarina* 2007 – *Samarina L.V.* Gender, age and descriptive color terminology in some Caucasus cultures // *Anthropology of Color...* P. 457–466.
- Shepard* 1992 – *Shepard R.N.* The perceptual organization of colors: An adaptation to regularities of the terrestrial world? // *Adapted Mind. Evolutionary Psychology and the Generation of Culture* / Eds J. Barkow, L. Cosmides, J. Tooby. N.Y., Oxford, 1992. P. 495–532.
- Simpson, Tarrant* 1991 – *Simpson J., Tarrant A.W.S.* Sex- and age-related differences in colour vocabulary // *Language and Speech*. 1991. Vol. 34. P. 57–62.
- Sleight, Prinz* 1982 – *Sleight C.C., Prinz P.M.* Children's color vocabulary // *Language and Speech*. 1982. Vol. 25. P. 75–79.
- The Senses* 1982 – *The Senses* / Eds H.B. Barlow, J.D. Mollon. Cambridge, 1982.
- Zollinger* 1999 – *Zollinger H.* *Color: A Multidisciplinary Approach*. Zürich, 1999.

L.V. Samarina. Gender Dimorphism in Color Terminologies of Peoples of the Caucasus

Keywords: anthropology of color, Caucasus peoples, gender dimorphism, color terminology, female color subculture, gender, age, abstract color terms, non-abstract color terms, derivative designations of color

The article is a case study within a broad field of connections between color and culture, which is referred to as “anthropology of color”. It explores the interrelations between gender and age factors, and quantitative indicators of usage of various color-marked terms. The analysis draws on data collected during 1989–1993 fieldwork sessions among peoples of the North Caucasus, Dagestan, and Georgia. The author argues that the phenomenon of gender dimorphism, which is revealed as a result of the study, manifests itself variously in ways spanning from specific types of color categorization in language to psychological and emotional attitudes toward color.

ЭО, 2010 г., № 1

© Н.В. Серов

ХРОМАТИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Ключевые слова: теория хроматизма, цветовой концепт, междисциплинарное моделирование интеллекта

Введение

Антропологическое единство человечества и наличие общеисторических компонентов в практической деятельности народов, находящихся даже на разных ступенях исторического развития, обуславливают определенное единство в разнообразии цветowych представлений этносов (*Самарина* 1992: 148). Поэтому актуальной задачей антропологии вслед за А. Уоллесом можно считать описание индивидуального поведения,

---

Николай Викторович Серов – доктор культурологии, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы; e-mail: nv_serov@mail.ru